

УДК 821.161.1

И.В. Разуменко, Т.И. Тищенко**ТАКАЯ СУДЬБА ЛЕОНИДА ГЕНРИХОВИЧА ФРИЗМАНА***Памяти Леонида Генриховича Фризмана*

Леонид Генрихович Фризман (24.09.1935–27.06.2018) – доктор филологических наук, профессор. Автор и составитель 44 книг, в числе которых как монографии, так и издания, выпущенные в сериях «Литературные памятники», «Библиотека поэта», «История эстетики в памятниках и документах», «Русская литературная критика», и около 550 статей. Главные направления его научных интересов – история русской литературы и общественной мысли XIX–XX веков, пушкиноведение, романтизм, поэтика литературных жанров. В последнее десятилетие получил известность как политический публицист. Об этом уникальном человеке писали наши современники, освещая разные, в основном литературоведческие аспекты его научной деятельности, однако его жизненный путь не был предметом специального исследования. Цель работы – показать становление и развитие Л.Г. Фризмана как ученого, исследователя, литературоведа, публициста, педагога.

Л.Г. Фризман родился в семье педагогов. В школе не был отличником, но блестяще знал литературу. В 1953 г. филологический факультет Харьковского педагогического института, куда он поступил, определился сам собой. 30 июня 1957 г. он сдал последний гос. экзамен, и снова стал студентом, на этот раз заочного отделения института иностранных языков (немецкий язык) Харьковского государственного университета, который закончил в 1963 году. Учился Л.Г. Фризман по всем предметам серьезно и основательно, далеко выходя за пределы программ, нередко удивляя преподавателей начитанностью и широтой интересов.

На протяжении ряда лет Л.Г. Фризман, без научного руководителя и без утвержденной на кафедре темы, вдохновенно собирал

архивный материал и самостоятельно писал кандидатскую диссертацию. Научное общение, сначала с лучшими филологами Харькова, а потом Москвы и Ленинграда, помогли «выходу в свет» первой его книги «Творческий путь Баратынского» (1966), и защите в 1967 г. кандидатской диссертации по филологии на тему «Общественные и литературные позиции Е.А. Баратынского».

С 1957 по 1970 год он преподавал русский язык и литературу, немецкий язык, а также обществоведение в школе рабочей молодежи. В государственном педагогическом институте им. Г.С. Сковороды, ныне университете, работал с 1965 года почасовиком на кафедре иностранных языков, затем преподавателем на кафедре русской и зарубежной литературы, с 1976 года доцентом, с 1980 года – профессором.

Все это время много печатался, некоторые работы публиковались, переводились и получали положительные рецензии за рубежом. Во второй половине 1960-х гг. недолго, но активно сотрудничал в «Новом мире» А.Т. Твардовского, где выступал как политический публицист. В этой литературе Л.Г. Фризман был «своим».

Путь его в науку был довольно тернистым, далеко не всегда дул попутный ветер. Приходилось работать не по основной специальности, бороться за выживание, однако он никогда не оставлял литературоведение: искал, исследовал, выступал со статьями в печати и в результате пришло признание. В 1977 году в Москве защитил докторскую диссертацию по филологии на тему «Русская элегия в эпоху романтизма». С этого времени его научная деятельность стала особенно плодотворной.

Как известно, всегда сложно было совмещать научную деятельность и преподавательскую работу, но только не Л.Г. Фризмину. «Думается, оттуда, из домашней традиции – его отношение к делу в широком смысле этого слова. Обязательность, четкость, последовательность, точное, по существу, шахматное мышление, присущее всему, что он делает. Он помнил имена, даты, годы, события с поразительной точностью», – вспоминала его ученица, докт. филол. наук, профессор Е.А. Андрущенко [3,8].

Помогали и те качества, которые составили основу его облика как учёного. Во-первых, это ещё в юности сделанный однозначный выбор главного дела жизни – литературоведение. Во-вторых, стремление к глубоким знаниям. Всё, что он учил, – литературу, историю, философию, иностранный язык, политэкономия, – учил основательно, и всё это в той или иной форме проявилось в его профессиональной деятельности, благодаря неизменному трудолюбию и привычке постоянно трудиться. Он трудился над сборником статей, где публикуются исследователи со всего постсоветского пространства, рецензируя многочисленные научные работы аспирантов и докторантов со всей Украины. Он всегда дорожил не только своим временем, но и временем коллег, что проявлялось в его отношении к многочисленным собраниям и заседаниям: обсуждение очередных Постановлений или статей Конституции, обсуждения многочисленных отчетов на кафедре и планов ее работы, как того требовала администрация института.

Заседания кафедры всегда проходили по четко спланированному плану работы кафедры, плану повестке дня, тщательно продуманному и во многом подготовленному самим руководителем – заведующем кафедры Л.Г. Фризманом, который не любил праздных разговоров и постоянно был занят какой-то работой – читал статью, правил гранки, вычитывал очередную диссертацию. Его любимыми выражениями стали: жизнь – осуществление плана; важен не срок, а результат; самые нужные книги – справочники и др.

В студенческой юности у него было ещё одно качество, которое ярко проявилось в зрелом возрасте – общественная активность. Он всегда был в центре студенческой жизни, активно реагировал на различные негативные события в группе, в институте, в стране. До начала 1990-х годов тематика его работ оставалась преимущественно филологической, но в последние два десятилетия существенно дополнилась выступлениями гражданского, общественно значимого характера. В последние годы он часто выступал как публицист, трезво и мудро судя о сложных проблемах жизни в Украине и в мире.

В 1977 году Л.Г. Фризман стал единственным в Харьковском педагогическом институте доктором филологических наук, при нем была восстановлена аспирантура, и с того времени подготовка научных кадров стала основной составной частью его педагогической деятельности.

Его научные интересы чрезвычайно широки, о чем свидетельствует тематика более 52-х защищенных кандидатов филологических наук. Поскольку ему самому была присуща широта научных интересов, то и тематика диссертаций его аспирантов отличалась многообразием. Среди них работы о писателях – от Г.Р. Державина до В.В. Высоцкого, от древнерусских повестей Соломонова цикла до историко-фантастического романа 1990-х годов. Его всегда интересовало не то, как его ученики осуществляют его замыслы, а то, как развиваются их собственные научные потенциалы и способности к самостоятельному научному творчеству.

Широкая эрудиция, исследовательская добросовестность, чутье нового, смелость в постановке и решении научных проблем, – характерные черты его деятельности как ученого-литературоведа, – прослеживаются в четырех защищенных докторских диссертаций, где Л.Г. Фризман был научным консультантом: И.Я. Лосиевский «Анна Ахматова: проблемы научной биографии»; И.В. Черный «Творчество Н.В. Кукольника и русская литература 1830-1840-х годов»; Е.А. Андрущенко «Театр Д.С. Мережковского в контексте идейно-художественных поисков конца XIX – начала XX вв.»; Т.М. Марченко «Эпоха Богдана Хмельницкого в русской романтической картине мира: трансформация фольклорных, летописных, историографических традиций».

К настоящему времени, в общей сложности, Л.Г. Фризман выпустил 45 книг, а количество статей и других публикаций превышает 550. Главными из них сам он считал монографии «Жизнь лирического жанра» (1973), «Декабристы и русская литература» (1988), «Семинарий по Пушкину» (1995). Четыре издания вышли в серии «Литературные памятники», два – в Большой серии «Библиотеки поэта». О четырех литераторах ему первым довелось издать книги – о Галиче,

Чичибабине, Максимовиче и Рейсере. Также он выпустил в 1978 году первую антологию декабристской критики, а в 1984 году впервые собрал стихи русских поэтов об Отечественной войне 1812 года.

Общепризнано, что диапазон научных интересов Леонида Генриховича очень широк. В канун 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина был издан «Семинарий по Пушкину» (1995 г.). «За истекшие десятилетия пушкиноведение сделало огромный шаг вперед, обогатилось массой новых ценных работ. Это потребовало существенного пересмотра не только перечней литературы к отдельным темам, но и самой номенклатуры тем. Сегодня круг проблем, подлежащих изучению, видится иначе, чем сорок лет тому назад. На основе обобщения точек зрения, высказанных наиболее авторитетными литературоведами современности, формулируются очередные задачи пушкиноведения», – писал Л.Г. Фризман, который с максимальным вниманием изучил и в меру сил использовал опыт своих предшественников (речь идет о семинарии 1959 года Б.С. Мейлаха и Н.С. Горницкой).

И далее исследователь в «Семинарии по Пушкину» продолжает: «Автор стремился в меру возможного содействовать тому, чтобы работа участников семинара была творческой, пытался формулировать вопросы, обозначать проблемы, которые пока не получили окончательного решения, напомнить о разных точках зрения на тот или иной вопрос, побуждать участников семинара сопоставить их и выработать на этой основе собственную позицию» [9, с. 10].

Смеем высказать предположение, что на протяжении десятилетий между Московской и Ленинградской научными школами существовало определенное соперничество. Научные изыскания Л.Г. Фризмана высоко ценились и признавались обеими школами, но профессор на протяжении жизни создавал свою научную школу, получившую признание не только в Украине, но и далеко за ее пределами.

Из воспоминаний соратников и коллег: «Эта школа навсегда меняет жизнь, открывая в ней за бытовым и житейским бытийное и жизненное. Иногда кажется, что каждый из тех, кто вышел из его школы, реализовал какую-то сторону личности ее основателя: литературоведа, профессора, доцента – сегодня кто-то администратор,

проректор, заведуючий кафедрой, а кто-то журналист, библиограф, писатель...», говорила его ученица, докт. филол. наук, профессор Е.А. Андрущенко. Но где бы каждый ни находился, где бы ни жил, чем бы ни занимался, – каждый стал успешным профессионалом, и на каждом стоит знак качества школы Л.Г. Фризмана.

Также характерным есть воспоминания его коллег и бывших студентов: «И в каждом – что-то неуловимое, прочитывающееся в манере вести беседу, общаться со студентами, коллегами, одеваться, наконец. Этот щегольской кожаный пиджак и джинсы, когда вокруг только унылые серые костюмы! Разве он не разрушал стереотипы? Еще как разрушал. И если сегодня взглянуть на его учеников, во внешности каждого из них есть что-то эдакое. Но его влияние сказалось не только в этом, конечно. В каждом из нас он видел и растил первооткрывателя, каким был сам. Помню, как в конце 1980-х поразила меня глава «Потомки» в книге «Декабристы и русская литература». Сама ее интонация разительно отличалась от наших учебников, бесконечно клеймивших и уничижавших, не говоря уже об именах, фактически вычеркнутых из истории литературы. Там была такая запомнившаяся мне фраза: «Все это нужно анализировать заново» [6, с. 135].

Пожалуй, он так подходил не только к темам, изуродованным советским литературоведением, но и к русской классической литературе. Его ученики, как и он сам, «анализируют заново» и открывают неизвестные имена, произведения, литературные явления. Наши статьи полны его характерными выражениями: «нельзя не видеть», «это только часть истины, другая ее в том...», «красной нитью»... Даже придуманный им когда-то подзаголовок темы – «проблематика и поэтика» – прочно вошел в практику кафедры литературы, которой он руководил. Преданность науке, трудолюбие, целеустремленность и, конечно, врожденный талант – важнейшие слагаемые его успеха».

Есть ещё одна примечательная особенность его как учёного – чувство нового. То ли это небольшие стихотворения, то ли исчезающий жанр поэзии, то ли, казалось бы, исчерпывающе изученная научная проблема, – во всём он найдёт нечто новое и актуальное. С

уважением относясь к новым, идущим с Запада теориям, он придерживался традиций академического русского литературоведения, для которого литература – искусство отражения реальной действительности, а не скопище вечных мифов или абстрактных текстов. Эту методологию исповедуют его многочисленные ученики и последователи.

Они вспоминают: «Меня всегда впечатляла щедрость, с которой он раздавал свои идеи, предлагал темы, намечал стратегию будущих исследований. То, что сегодня мыслится как «know-how», он легко дарил всем, кто приходит к нему учиться, лишь огорчаясь, когда одаренный бросает работу на полдороге. Его едкая и беспощадная ирония заставляла и заставляет нас критично относиться к собственным «писаниям». Он не выносит наукообразия, прикрывающего беспомощность и творческое бесплодие, а к инструкциям относится как тяжелой болезни: вылечить нельзя, придется с этим жить. Думаю, если бы ему поручили руководить аттестацией научных кадров, степень присуждали бы как до революции – за идею, изложенную коллегам в устной форме...» [14, с. 84].

Его коллеги по кафедре говорили: «Совершенно разных людей ему удалось сделать не то, чтобы друзьями... Это тот род отношений, когда можно годами не видеться, не говорить, а однажды обратиться с просьбой, вопросом и быть уверенным, что получишь помощь, как от близкого человека. Помню, как мы устроили «День учителя», конечно, не в день учителя, и сидели за столом, смеясь и разговаривая, как будто собралась большая семья: «девочки» по хозяйству, «мальчишки» о футболе и о политике. Между нами давно сложились свои, особые отношения, определяемые тем, что все мы из «одного гнезда», как он любил говорить. Мне даже иногда жаль его учеников нового, последнего поколения. Они понятия не имеют, что это такое: что его умение писать оценил когда-то А. Твардовский, что эта линия науки восходит к Г. Гуковскому, что текстологические подходы созвучны подходам С. Рейсера... Что его собеседниками были Лихачев, Вацуру, Михайлов, Билинкис... Да и знают ли они эти имена?

Не говоря уже о том, что такое это родство, когда ты совсем не родственник».

Л.Г. Фризман был человеком огромного трудолюбия, большой жизненной энергии, чрезвычайно неравнодушный, остро переживающий за все, что происходило вокруг, откликавшийся на самые острые и злободневные проблемы современности. Прочно завоевав место «первого пушкиниста Украины», он вдруг написал об авторской песне, а потом о Максимовиче и о многом другом; читатели газет знают его острые полемические статьи, в которых аналитический подход соединяется с шестидесятилетним пафосом и юношеским максимализмом. В этом никто из нас повторить его не может. Хотя он и озадачивает учеников суждениями типа «Настоящий литературовед не может быть хорошим писателем» или «Не стоит оставаться исследователем одной темы», все же такой разброс интересов под силу только ему. Об этом свидетельствуют его публикации последних десятилетий.

Доктор филологических наук, профессор С.Д. Абрамович писал: «Значительность его личности, ее научный и общественный резонанс стали отчетливы, когда появилась книга, в которой опубликована многолетняя переписка с такими людьми, как Д. Лихачёв, Ю. Лотман, З. Минц, К. Пигарев, Е. Эткинд, О. Сулейменов и многими другими, столь же щедро увенчанными славой. Воистину, в этом человеке, всегда отважно говорящем «да» или «нет», – ни грани лукавства, как в случае оценки им Б. Реизова (для него плохой человек не может быть хорошим ученым)» [1, с. 79].

Доктор филологических наук, профессор Н.Л. Васильев так вспоминал о встрече с ученым: «еще одной огромной частью стал его труд «Это было жизнь тому назад...». Л.Г. Фризман сделал мне бесценный подарок – мемуарную книгу «Это было жизнь тому назад...» (Харьков, 2008), с редкой скромностью написав: «Глубокоуважаемому <...> с надеждой на то, что хоть что-то в этой книге вызовет у него интерес». Оказалось, что, несмотря на разницу в возрасте, нас связывают общие интеллектуально-нравственные векторы и дорогие обоим персоналии отечественной филологии. Чуть позже появилась

моя рецензия на эту замечательную книгу, вышедшую на родине ее автора, в журнале «Научные записки» Харьковского национального педагогического университета (2010, вып. 1, часть 1). В одном из писем к Л.Г. Фризмону, где говорилось о моих впечатлениях от прочитанного, я пошутил: «Было бы справедливо, если б Вы написали на ней <...> «...с надеждой на то <...>», «что хоть что-нибудь этого интереса не вызовет...»». Так постепенно завязались дружеские и творческие отношения, которыми я, как исследователь более молодого поколения, горжусь и очень дорожу» [3, с. 74].

Несомненно, высокий профессионализм литературоведа, который своим интеллектом и самоотверженным трудом, преодолевая трудности, обогащал как национальную, так и мировую научную сокровищницу, достоин того, чтобы сложная тема, над которой десятилетиями работал ученый, нашла свое признание и продолжение.

Еще хотелось бы отметить, что лучшие произведения конца XX–XXI века исследовали не столько социальные, сколько нравственные, философские проблемы, и не последнюю очередь в них занимала тема «еврейства». Такие ученые, как Леонид Генрихович, занимают особую нишу в науке – они составляют целую эпоху в современном литературоведении. Неудивительно, что личное общение с такими известными людьми, как Д. Лихачев, Ю. Лотман, Е. Эткинд стало частью его научной биографии. Однако русскую литературу создавали не только русские, но и евреи, подчас с весьма различным национальным сознанием: Э. Багрицкий, О. Мандельштам, И. Эренбург, Б. Слуцкий, А. Галич, Б. Пастернак, И. Бродский, В. Кантор и др.

Философ и литературовед В.К. Кантор рассуждает о том, что «изгнание, рассеяние и диаспора, гонения, избиения, вынуждавшие евреев принимать обычаи той страны, куда они попали, все эти несчастья еврейского племени служили высоким целям. Будучи среди других народов, они оказывались бродильным ферментом внутри их, тянули их к высшему существованию» [5, с. 68]. В стране развитого социализма большинство евреев в графе «национальность» писали «русский». И хотя это для многих было унижительно, но это соответствовало

действительности, так как «русский еврей родился в русской среде, в русском языке, в русской культуре» (Игорь Губерман).

Последняя прижизненная книга Леонида Генриховича – уникальная, как и судьба ее автора: «Такая судьба». Еврейская тема в русской литературе» (2015 г.). Эта книга – первая попытка представить эволюцию еврейской темы в русской литературе на протяжении более чем полутора столетий: от Отечественной войны 1812 года до крушения советской власти. Много десятилетий она находилась и под гласным, и под негласным запретами. Эта книга не только о литературе. Сам автор писал, что «литература – это отражение жизни и не просто отражение, но и постижение, а жизнь – более важная штука, чем литература. Подлинный художественный образ выражает действительность, ее глубинную суть лучше, чем реальный факт. Тем он нам и дорог».

В предисловии к книге «Такая судьба» автор с присущей ему скромностью писал: «Со страниц этой книги на тебя смотрят евреи, какими их изобразили русские писатели в произведениях, созданных на протяжении более чем полутора столетий – с начала XIX века до последних лет существования советской власти. Чтобы она появилась на свет, мне довелось проделать работу, обычную для любого историка литературы: произвести необходимые разыскания, отобрать круг нужных текстов, осмыслить их по отдельности и в совокупности, сделать зримыми движение и эволюцию темь». Из привлекаемых к анализу исторических и мемуарных материалов, из портретов десятков писателей, разборов сотен больших и малых произведений, характеристик героев, которые были евреями не только по происхождению, но и по складу мыслей, образу действий, что определяло и отношение к ним, и всю их жизнь, а порой и смерть, складывается картина исторических судеб русского еврейства» [10, с. 3].

Л.Г. Фризман получил известность не только на родине. Университеты Англии, Франции, Италии, Германии, Израиля и др. стран приглашали его с выступлениями, знали его как блестящего лектора, широко эрудированного учёного, который считал, что

«литературоведение – это литературоведы», такая мысль у книги «В кругах литературоведов» [11].

Уже после смерти Л.Г. Фризмана вышла его последняя книга «Неоконченное значит недосказанное» [12] о Науме Коржавине. Перспективой дальнейших исследований научной деятельности Л.Г. Фризмана может быть проблематика его последней книги о Науме Коржавине.

Итак, проанализировав жизненный путь, становление и развитие его научного творчества, мы приходим к выводу, что академические работы Леонида Генриховича Фризмана, – кладезь отечественной науки, который восхищает как всю Украину, так и Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды.

Мы благодарны судьбе, что были его учениками и коллегами.

Литература

1. Абрамович С.Д. «Плачевной музы глас...». Русский язык и литература в учебных заведениях. 2008. № 4. С. 78–80
2. Андрущенко Е.А., Лосиевский И.Я. «Крут был подъем...». Историко-литературный сборник. Харьков: ХГПУ, 1995. С. 3–13.
3. Васильев Н.Л. Что было, то было. Наукові записки ХНПУ ім. Г.С. Сковороди. Літературознавство. 2010. Вип. 1. Част. 1. С. 3–7.
4. Гольберг М.Я. Портрет ученого. Русская литература. 2006. № 4. С. 196–200.
5. Кантор В. К. Крепость. Роман. Москва: РОССПЭН, 2004. 496 с.
6. Кормилов С. Я.В. Романцова, Л.Г. Фризман. Требовательная любовь. Вопросы литературы. 2007. № 1. С. 372–373.
7. Усок И.Е. Фризман Л.Г. Поэзия декабристов. Новый мир. 1975. № 4. С. 83–284.
8. Фомичев С. Л.Г. Фризман. Предварительные итоги. Сборник избранных статей к 70-летию Л.Г. Фризмана. Вопросы литературы. 2008. № 1. С.362–363.
9. Фризман Л.Г. Семинарий по Пушкину. Харьков: Изд-во «ЭНГРАМ-УНИ-АП-Харьков-Вена». 1994. 367 с.
10. Фризман Л.Г. Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе. Харьков: Фолио. 2015. 512 с.

11. Фризман Л. В кругах литературоведов. Мемуарные очерки. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого. 2017. 320 с.
12. Фризман Л.Г. Неоконченное значит недосказанное. Книга о Науме Коржавине: монография. Киев: Издат. дом Дмитрия Бурого. 2018. 244 с.
13. Чернец Л.В. Фризман Л.Г. Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. Общественные науки в СССР. 1989. Сер. 7. № 2. С. 47–49.
14. Юхт В.В. Строки и судьбы. Русская филология. 2009. № 1. С. 84–85.

References

1. Abramovich S.D. «Plachevnoy muzy glas...» [Deplorable muses voice]. Russkiy yazyk i literatura v uchebnykh zavedeniyakh. 2008. № 4: 78–80
2. Andrushchenko Ye.A., Losievskiy I.Ya. «Krut byl podem...» [The rise was steep]. Istoriko-literaturnyy sbornik. Kharkov: KhGPU, 1995: 3–13.
3. Vasilev N.L. Chto bylo, to bylo [What was, it was]. Naukovi zapiski KhNPU im. G.S. Skovorodi. Literaturoznavstvo. 2010. Vip. 1. Chast. 1: 3–7.
4. Golberg M.Ya. Portret uchenogo [Portrait of a scientist]. Russkaya literatura. 2006. № 4: 196–200.
5. Kantor V. K. Krepost [Fortress]. Roman. Moskva: ROSSPEN, 2004.
6. Kormilov S. Ya. V. Romantsova, L.G. Frizman. Trebovatelnaya lyubov [Demanding love]. Voprosy literatury. 2007. № 1: 372–373.
7. Usok I.Ye. Frizman L.G. Poeziya dekabristov [Decembrists Poetry]. Novyy mir. 1975. № 4: 83–284.
8. Fomichev S. L.G. Frizman. Predvaritelnye itogi [Frizman. Preliminary results]. Sbornik izbrannykh statey k 70-letiyu. L.G. Frizmana. Voprosy literatury. 2008. № 1: 362–363.
9. Frizman L.G. Seminariy po Pushkinu [Pushkin Seminary]. Kharkov: Izd-vo «ENGRAM-UNI-AP-Kharkov-Vena». 1994.
10. Frizman L.G. Takaya sudba. Yevreyskaya tema v russkoy literature [Such a fate. Jewish theme in Russian literature]. Kharkov: Folio. 2015.
11. Frizman L. V krugakh literaturovedov [In the circles of literary scholars]. Memuarnye ocherki. Kiev: Izdatelskiy dom Dmitriya Burago. 2017.
12. Frizman L.G. Neokonchennoe znachit nedoskazannoe. Kniga o Naume Korzhavine: monografiya [Unfinished means the unsaid. A book about Naum Korzhavin: a monograph]. Kiev: Izdat. dom Dmitriya Burago. 2018.
13. Chernets L.V. Frizman L.G. Zhizn liricheskogo zhanra. Russkaya ellegiya ot Sumarokova do Nekrasova [Frizman L.G. Life is a lyrical genre. Russian

- elegy from Sumarokov to Nekrasov]. Obshchestvennye nauki v SSSR. 1989. Ser. 7. № 2: 47–49.
14. Yukht V.V. Stroki i sudby [Strings and destinies]. Russkaya filologiya. 2009. № 1: 84–85.

Анотація

І.В. Разуменко, Т.І. Тищенко. Така доля Леоніда Генріховича Фрізмана

Леонід Генріхович Фрізман – доктор філологічних наук, професор, фахівець з історії російської літератури і громадської думки ХІХ–ХХ століть, з питань романтизму, поетики літературних жанрів, пушкінознавець, публіцист. Метою статті є характеристика становлення і розвитку Л. Г. Фрізмана як вченого, дослідника, літературознавця, публіциста, педагога.

Кандидатська дисертація Л.Г. Фрізмана «Громадські та літературні позиції Є.А. Баратинського» і докторська дисертація «Російська елегія в епоху романтизму» виявилися результатом головної справи його життя – літературознавства. Наукові інтереси Л.Г. Фрізмана надзвичайно широкі, його наукова школа налічує понад 52-х захищених кандидатів філологічних наук, серед них роботи про письменників – від Г.Р. Державіна до В.В. Висоцького, від давньоруських повістей Соломонового циклу до історико-фантастичного роману 1990-х років. Характерні риси наукової діяльності Л.Г. Фрізмана простежуються в чотирьох захищених докторських дисертаціях, де він був науковим консультантом, тематика докторських дисертацій: А. Ахматова, Н.В. Кукольник, Д.С. Мережковський, Б. Хмельницький.

Л.Г. Фрізман надрукував 45 книг, 550 статей. Головними з них він вважав монографії «Життя ліричного жанру» (1973), «Декабристи і російська література» (1988), «Семінарій про Пушкіна» (1995). Про чотирьох літераторів йому першим трапилося видати книги – про Галича, Чичибабіна, Максимовича та Рейсера. Також він надрукував в 1978 році першу антологію декабристської критики, а в 1984 році вперше зібрав вірші російських поетів про Вітчизняну війну 1812 року.

Остання прижиттєва книга Л.Г. Фрізмана «Така доля». Єврейська тема в російській літературі» (2015). Ця книга – перша спроба представити еволюцію єврейської теми в російській літературі на протязі більш ніж півтора століття. Уже після смерті Л.Г. Фрізмана вийшла його остання книга «Незакінчене означає недомовлене» про Наума Коржавіна.

У роботі ми дійшли висновку, що життєвий шлях, становлення і розвиток наукової творчості Л.Г. Фрізмана, його академічні роботи, наукова школа – джерело вітчизняної науки, яким ми може пишатися.

Ключові слова: Л.Г. Фрізман, проблематика і поетика російської літератури, пушкінознавець, публіцист, наукова школа

Анотація

И.В. Разуменко, Т.И. Тищенко. Такая судьба Леонида Генриховича Фризмана

Леонид Генрихович Фризман – доктор филологических наук, профессор, специалист по истории русской литературы и общественной мысли XIX–XX веков, по вопросам романтизма, поэтики литературных жанров, пушкиновед, публицист. Целью статьи является характеристика становления и развития Л.Г. Фризмана как ученого, исследователя, литературоведа, публициста, педагога.

Кандидатская диссертация Л.Г. Фризмана «Общественные и литературные позиции Е.А. Баратынского» и докторская диссертация «Русская элегия в эпоху романтизма» явились результатом главного дела его жизни – литературоведения. Научные интересы Л.Г. Фризмана чрезвычайно широки, его научная школа насчитывает более 52-х защищенных кандидатов филологических наук, среди них работы о писателях – от Г.Р. Державина до В.В. Высоцкого, от древнерусских повестей Соломонова цикла до историко-фантастического романа 1990-х годов. Характерные черты научной деятельности Л.Г. Фризмана прослеживаются в четырех защищенных докторских диссертациях, где он был научным консультантом, тематика докторских диссертаций: А. Ахматова, Н.В. Кукольник, Д.С. Мережковский, Б. Хмельницкий.

Л.Г. Фризман выпустил 45 книг, 550 статей. Главными из них он считал монографии «Жизнь лирического жанра» (1973), «Декабристы и русская литература» (1988), «Семинарий по Пушкину» (1995). О четырех литераторах ему первым довелось издать книги – о Галиче, Чичибабине, Максимовиче и Рейсере. Также он выпустил в 1978 году первую антологию декабристской критики, а в 1984 году впервые собрал стихи русских поэтов об Отечественной войне 1812 года.

Последняя прижизненная книга Л.Г. Фризмана «Такая судьба». Еврейская тема в русской литературе» (2015). Эта книга – первая попытка представить эволюцию еврейской темы в русской литературе на протяжении более чем

полутора столетий. Уже после смерти Л.Г. Фризмана вышла его последняя книга «Неоконченное значит недосказанное» о Науме Коржавине.

В работе мы пришли к выводу, что жизненный путь, становление и развитие научного творчества Л.Г. Фризмана, его академические работы, научная школа – кладезь отечественной науки, которым мы может гордиться.

Ключевые слова: Л.Г. Фризман, проблематика и поэтика русской литературы, пушкиновед, публицист, научная школа.

Summary

I.V. Razumenko, T.I. Tishchenko. Such a fate of Leonid Henrikhovich Frizman

Leonid Henrikhovich Frizman is a Doctor of Science in Philology, Full Professor, specialist in the history of the Russian literature and social thoughts of the XIX-XX centuries, specialist in the issues of romanticism, poetics of literary genres, scholar of Pushkin's works, essayist. The purpose of the article is to characterize L. Frizman's development as a scientist, researcher, literary critic, essayist, and teacher.

L. Frizman's candidate dissertation "Public and Literary Positions of Ye.A. Baratynsky" and his doctoral thesis "Russian Elegy in the Era of Romanticism" were the result of the main work in his life, it was literary criticism. L. Frizman's scientific interests are extremely broad; his scientific school has more than 52 PhDs in Philology, among them the theses about writers from the era of G.R. Derzhavin to V.V. Vysotsky, from the ancient Russian stories from the Solomon cycle to the historical science fiction novel in the 1990s. The characteristic features of L. Frizman's scientific activities are seen in four defended doctoral theses, where he was a scientific consultant, the themes of doctoral theses are A. Akhmatova, N.V. Kukolnik, D.S. Merezhkovsky, B. Khmelnskiy.

L. Frizman published 45 books, 550 articles. He considered the main ones the monographs "The Life of a Lyrical Genre" (1973), "Decembrists and the Russian Literature" (1988), and "Seminary about Pushkin" (1995). It was he who published the first books about four writers Galich, Chichibabin, Maksimovich and Reiser. He published also the first anthology about Decembrist criticism in 1978, and in 1984 he collected for the first time the poems by Russian poets about the Patriotic War in 1812.

The last lifetime L. Frizman's book is "Such a fate. Jewish Theme in the Russian Literature" (2015). This book is the first attempt to present the evolution of the Jewish theme in the Russian literature for more than one and a half centuries.

Already after L. Frizman's death his last book was published "Unfinished means Untold" about Naum Korzhavin.

In the article we came to the conclusion that L. Frizman's life path, development of scientific creativity, his academic works, his scientific school are the treasure of national science we can be proud of.

Keywords: L. Frizman, problematic and poetic of the Russian literature, scholar of Pushkin's works, essayist, scientific school.

Інформація про автора

Разуменко Ірина Василівна – кандидат філологічних наук, професор кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, 61168, Україна; <http://orcid.org/0000-0002-3221-4340>.

Тищенко Тетяна Іванівна – кандидат філологічних наук, професор кафедри української і світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, 61168, Україна; <http://orcid.org/0000-0003-1601-2543>.